

Строчки из жизни швей

Две участницы швейного кооператива ReSew, Рина и Маша, поговорили о швейном труде.
Рина: Как ты пришла к тому, чтобы шитье стало твоей работой?

Маша: До этого я работала в кафе официанткой. Потом наступил момент рассогласования этой работы, находящейся в рамках капиталистической системы, с приобретенными феминистскими и левыми взглядами. Я становилась все более дерзкой, а потом поняла, что больше не хочу так работать. Взяла отпуск и не смогла вернуться. После написала и защитила магистерскую диссертацию. Какое-то время ничего не делала, а потом появился швейный кооператив «Швемы», и я пошла туда шить. Впрочем, во время работы в «Швемы» я подрабатывала, да и сейчас, помимо швейки, бывают подработки, от которых я не отказываюсь и которым рада. Иногда бывают времена, когда я думаю, что если все это так тяжело, так выматывающе, не удовлетворяет и приносит такой низкий доход, то, может быть, все бросить и найти какую-

Фото: «Рассвет и спальное место на работе, мастерская ReSew»; авторка фото Мария Лукьянова

© Мария Лукьянова, Рина Винтер 2020

© *Критика феміністична: східноєвропейський журнал феміністичних і квір-студій* 2020, № 3, с. 125–134; <http://feminist.krytyka.com> (ISSN 2524–2733)

нибудь другую работу. Тогда я начинаю думать над планом В, планом С: так, какие работы я могу? умею это, умею это – а кому это надо? никому не надо. Вроде бы и работаешь, а в голове такое творится... А бывает, думаешь, что и стоило бы найти подработку, но ведь и без нее – столько заказов!

Рина: Могу рассказать о своем контексте. Довольно рано в моей голове появилось осознание, что журналистское образование с моим складом характера и положением в обществе не даст возможности реализовывать себя. Тогда я устроилась на работу в книжный магазин. Отчасти мне это нравилось, потому что там были книги, но меня не устраивала коммуникационная сторона. В какой-то момент, когда многие факторы достигли своего развития, я подумала, что хочу делать что-то руками. Делать и сразу же видеть результат, иметь возможность на него повлиять. А не так, как со статьями, которые я писала параллельно с работой. Например, о тестировании косметики на животных. Я понятия не имею, что это в итоге. Есть текст, он опубликован, но какая это единица влияния, есть ли понимание со стороны прочитавших, мне совершенно не понятно. Это вводило меня в состояние апатии, как минимум. И тут я как раз увидела объявление о кооперативе. Совпало, мне кажется, два момента: шить – это делать что-то своими руками, влиять на результат, а кооператив – это горизонталь, которая до сих пор кажется мне действующей и важной альтернативой. Для меня это одна из немногих возможных форм активизма. Хотя иногда я порываюсь это обесценить внутри себя, но в целом считаю, что да, это форма активизма.

Наша беседа имеет две задачи-мотивации. Первая – осознание собственных привилегий: мы работаем в горизонтальной структуре по схеме, сводящейся к формуле «сами на себя». Нам важно показать, как мы пришли в эту деятельность. Вторая же задача этого взаимного интервью состоит в том, что даже в нашем формате видны проблемы швейного труда как такового в Украине (и не только). Мы решили поговорить как подруга с подругой, чтобы на пример своих историй и переживаний сделать видимой работу, о которой потребительницы редко задумываются.

Маша: Есть разница в ощущениях между тем, как ты шила вначале и как делаешь это сейчас?

Рина: Сейчас я лучше понимаю, как устроены отдельные этапы работы, и знаю, как вклиниться в какое-нибудь звено и изменить его. Например, косая строчка – ровная строчка, это приходит с опытом. Сначала и 5 мм можешь не замечать, а потоммотришь на 2 мм – и кажется, что это целый сантиметр. И что у людей на улице или в общественном транспорте куртки пошиты неправильно, платья пошиты неправильно, неровно. Но когда я не в лучшем расположении духа, я чувствую себя иголкой, которая втыкается в слишком толстую ткань и вместе с лапкой топчется на месте. В такие моменты мне кажется, что я тоже топ-

чусь на месте и не могу развивать свои навыки шитья. Иногда я свожу это в своей голове к чему-то конкретному. Например, к геометрии, она кажется важной в шитье. Хотя в детстве мне говорили, что раз я девочка, то должна быть развита гуманитарно, а не технически. Но в целом сейчас у меня больше шансов развиваться в шитье, чем раньше. Появилось больше возможностей радоваться, если получается что-то мелкое (вдруг! наконец-то!), и не обесценивать свой труд. Не говорить себе, что, мол, это должно было получиться еще полгода назад, а я только сейчас это могу, значит, все, нужно завязывать. И дальше мысли о том, что либо нужно искать другую работу или подработку, либо идти более мелкими шагами в шитье. А это, мне кажется, упирается в систему – в привилегии и ресурсы. И в приоритеты.

Маша: Что для тебя швейное развитие?

Рина: С одной стороны, это практический навык: насколько качественно кто-то может сделать вещь. С другой стороны, это работа над концепцией шитья как труда. Когда я пришла сюда, я думала, что есть простые изделия, которые можно быстро пошить, что ремонт не требует больших усилий. Мне казалось, что шитье – это узкопрофильный навык, поэтому его может освоить каждая, причем относительно быстро. Сейчас я думаю, что эта концепция изменилась, и мне кажется, это мое внутреннее развитие, проживание этой концепции. Теперь я знаю, что изделие, которое выглядит простым, может потребовать много труда. Людей на фабриках просто заставляют делать такое изделие быстро, а так-то оно требует больше времени. Эта узкопрофильность условна, иллюзорна. Чтобы создать изделие с нуля, человеку необходимы одновременно навыки конструкторки, швеи и закройщицы. Мне часто кажется, что для шитья нужны навыки многих профессий.

Маша: Да, это интересно, Твоя мысль о концепции шитья переключается с вопросом об обесценивании. Людям кажется, что шить – это просто. Возможно, это системная проблема. Швейный труд достаточно долго приписывался и назначался людям с женской социализацией. Например, в этнографических музеях, если это скульптура, то автор часто известен, но если это классное платье, какой-нибудь вышитый камзол или ковер, то там указана дата создания – и все. Кто его ткали? Кто шили? Скорее всего, люди с женской социализацией. При этом существует миф о мужчинах как самых крутых модельерах, закройщиках, портных. Но ведь всю мелкую монотонную трудоемкую работу чаще всего выполняли швей-женщины. Когда думаю об этом, хочется как-то поработать в этом направлении, поиграть с темой: где же, кто же эти авторки прекрасных вышивок, которыми все восторгаются? Почему их не знают? И да, меня очень бесит, когда люди пишут: «Мне нужно совсем простое изделие, платье, там всего 4 строчки». Действительно? Ты что, «квадратик»? Я не очень понимаю, как людям объяснять, кроме как говорить открыто, что сначала их нужно обмерить, потом построение вы-

кройки займет, в лучшем случае, день, потом моделирование – полдня, потом я раскраиваю и сметываю на примерку – это еще полдня-день, и только после этого мы делаем примерку. Если что-то окажется не так, потому что плоскость – это не объемы человеческого тела, я все распускаю, подправляю выкройку, потом снова сметываю на примерку... Может быть, стоит говорить людям: «Вот это занимает столько-то часов, а это – столько-то», – и спрашивать, сколько стоит их час работы. Не знаю, может быть, так. Вот «Наденька» (творческое объединение художниц, Россия – прим. ред.), когда выставляет платье, все подробно расписывает: это сумма за материалы, это работа швеи... Такой подход мне нравится. Но мне не хватает временного спектра. Когда я считаю, сколько потратила времени на платье, например, то ужасаюсь, сколько получаю в час. Но я все время – ха-ха, «все время», я шью с 2015 года, уже пятый год, – думаю: «Не наработала, не набила руку, тут не уверена, тут забываешь, тут подглядываешь, как в видео на YouTube... Вот если бы ты шила чаще подобные изделия, то, конечно, получилось бы быстрее». Блин, пятый год шью, не одно платье сделала, не одни штаны, а сама все время думаю, что мало работаю, мало сшила, что надо руку набить, чтобы быстрее работать и больше зарабатывать. Непонятно, когда же я уже руку набью?

Рина: ...И какой ценой. Это перекликается с вопросом, который мне кажется все более актуальным: как на тело и сознание влияет то, что ты работаешь условно 10+, 8+ часов. То есть больше, чем в «обычном» режиме работы.

Маша: Таковы наши реалии. Мы пробовали засекают время, не работать больше восьми-девяти часов; из-за того, что я делаю нормальные такие перерывы на обед и ужин, чистого времени в работе выходит 7,5-8 часов – это неплохо. Но часто я не успеваю выполнить план дня, поэтому превышаю эту норму. При этом я чувствую себя иначе, чем когда, например, работала в кафе по 2 смены подряд, а это 14 часов на ногах. Мне это нравилось, было проще один день работать так, другой – учиться, хотя после 14 часов иногда и встать тяжело. Но одно дело 14 часов в системе с четкими функциями и контролем (за тем, как ты работаешь, следят), а другое дело сейчас. В мастерской нет следящих. В те 10-12 часов, что я провожу там, я могу работать, отвлекаться, заходить в Интернет, свои дела решать параллельно – это совсем другой режим. Иногда он продуктивный, иногда – нет. Но выходит так, что я чаще всего «живу на работе». Хорошо, что живу недалеко. А на тебя как влияет такой график?

Рина: Мне кажется, больше на сознание, чем на тело. Я чувствую себя привилегированной, когда представляю, как люди на фабриках очень сильно перерабатывают по часам. При этом, как ты описывала, над ними кто-то стоит, подгоняет, им нельзя лишний раз отойти в туалет, выпить чаю, еще что-то. А я могу это делать, отвлекаться. И, мне ка-

жется, это помогает телу более-менее выдерживать ночевки на работе. Но при этом мое сознание как будто плавится от того, что оно рассеивается. Происходит постоянная внутренняя борьба. Я вот знаю, что должна дойти до определенного этапа в работе, и, если не буду отвлекаться, то сделаю это, например, к 3-м часам ночи. Но тело подает сигнал, я отвлекаюсь и в результате нахожусь без сна дольше, а запланированное заканчиваю к 6-ти утра. А вставать уже через несколько часов... Сознание сопротивляется этим схемам и как будто подталкивает к выбору чего-то одного. Мне кажется, этот выбор похож на модель продуктивности в капиталистическом мире. Я как будто могу работать, не отвлекаясь, по 10 часов, потом получать достаточное количество сна, снова работать 10 часов, потом, например, 8 часов. «Не отвлекаясь», «продуктивно», «не совершая ошибок». С одной стороны, за них меня никто не штрафует и не ругает, а с другой – я чувствую за них ответственность. Во мне еще есть это внутреннее давление капиталистического или неолиберального мира, в котором я самой себе должна быть продуктивной. А если я растягиваю работу до 5 утра, значит, я сама виновата, я не продуктивна, со мной что-то не так и я должна быстро это исправить. Это очень деморализует. Это похоже на состояние измененного сознания: вот я засекаю, сколько работаю, причем я стараюсь не учитывать перерывы, а когда время подходит к 12+ часам, я чувствую, что уже не понимаю, что происходит вокруг, и это пугает. Я как будто теряю ощущение границы: сколько еще стоит работать, а когда уже пора пойти спать, поесть или выпить воды.

Маша: Я со многим согласна, ощущаю похожее. А что касается концепта внутреннего давления из капиталистического мира, мы ведь продолжаем в нем жить, и у нас были опыты долгого пребывания и работы по таким схемам, мы знаем все эти требования: качество, скорость, результат... Сейчас я готова спорить, задавать вопросы, что значит «качественное», «быстро», но внутренне я всегда засекаю время и хочу сделать работу быстрее. Иногда получается, иногда всего 50% от запланированного, а иногда не получается вообще ничего. Этому есть причины и объяснения, но я все равно расстраиваюсь. Но это такое, считаю, момент работы над собой – хорошо, что это есть. Но постоянно жить с ощущением «я неудачница, я плохо работаю» ужасно. Хотя оно и сейчас часто есть (*смеется*). Меня очень подбадривает, когда люди пишут, что им нравятся наши сумки, вещи, благодарят, – такие отзывы о нашей работе радуют. Я думаю: «О, класс, все не зря!». Или: «Окей, я работаю медленно, зато качественно». Вот не могу оставить кривую строчку. Порой это полный абсурд, далеко не все люди замечают мои классные прямые строчки, но я же о них знаю. Поэтому беру и переделываю. Если бы я работала на фабрике, то вряд ли бы была такой щепетильной к своей работе, на многое бы забивала, но все равно бы переживала потом, а может, и не переживала бы, но такой труд быстро стал бы отчуж-

денным и не приносящим радости. Я бы чувствовала себя винтиком и человеком-функцией, а тут я что-то большее, если так можно сказать. Ощущение измененного сознания мне тоже знакомо: когда ловишь себя на чувстве, что ты как киборг – я называю это состоянием киборга, а не измененным сознанием. Физически ты все остро ощущаешь (спину, глаза), но продолжаешь работать, шить этот десяток сумок. Иногда я перестаю чувствовать ход времени, особенно если это работа по ночам, и когда в какой-то момент наступает 4-5 утра – очень удивляюсь. Часто, после того как уже все дошито, я подолгу не могу переключиться на что-то другое, как будто забываю обо всех других занятиях, поэтому снова ищу себе работу, начинаю фотографировать сумки, например, как будто не могу закончить над этим работать, заставить себя остановиться. Слово я машина по производству этих сумок. Но бывают состояния, когда тело уже отключается физически. Недавно я прятала ниточки... вот тоже, кто сейчас прячет ниточки? На производствах – никто, только в элитных ателье прячут (*смех*) и мы, потому что очень уж муторное занятие. А в 5-6 утра еще и усыпляющее, кажется, прямо за этим и заснешь сейчас, тупишь, замираешь с иглой в руках на пару минут, уговариваешь себя спрятать ниточки еще в 2-3 сумках.

Рина: Что тебе приносит радость в швейном труде?

Маша: Радость я испытываю, когда есть довольные нашей работой заказчи_цы. Когда они примеряют обновку и любят себя в зеркале. Или когда я смотрю на пошитые сумки, и они мне кажутся классными – тоже радостно. На самом деле, много моментов радостных. Вот, например, когда для индивидуалки нужно строить выкройки по точкам: из точки А в точку В, потом в точку С... Если из этих точек, набора размеров, что-то вырисовывается – каждый раз удивляешься, что все получилось. Радует, когда удаются сложные моделирования и построения. Раньше это давалось сложнее, чем сейчас. Я нечасто вспоминаю, как все было в первые разы: расстраиваешься, от того что не понимаешь, не можешь найти ошибку, а потом понимаешь, находишь, исправляешь... а теперь уже с первого раза строишь и моделируешь, и даже на первой примерке все не так страшно. Все это радостные моменты, как задачи, которые ты решаешь, – маленькие, большие. Вообще, я поняла, что люблю сложные задания, хотя и трачу на них больше времени. Мне хотелось бы, чтобы для переделок и исправлений времени было достаточно, чтобы быть довольной своей работой. Я расстраиваюсь, если это не удастся. Вот я, например, вижу место, которое надо переделать, а заказчи_ца хочет забрать изделие, даже если чуть-чуть недовольна. Я очень расстраиваюсь, если не могу довести вещь до совершенства, своего совершенства. Но не буду же я отбирать у людей их же вещи. А у тебя как – в радости, печали?

Рина: Похожий момент с тем, когда начинаешь понимать что-то из технических нюансов. Иногда это бывает в форме инсайтов. Еще меня

радует, когда у нас заказывают изделия из использованных или хотя бы имеющихся материалов. Потому что меня очень пугают мысли о новых тканях, токсичных красителях, людях на производстве тканей. Пугает, что объемы произведенного сильно превышают объемы необходимого и даже желаемого. Поэтому, если меня спрашивают, можно ли что-нибудь пошить из занавесок, я такая: «Вау, отлично!». Еще я радуюсь, когда чувствую, что нас воспринимают не как безликих работниц с навыками проложить строчку, а как людей. В том числе с политической позицией. Разных людей, но собранных на определенной платформе. И когда к нам обращаются (на страницу, например) как к *людям* – вежливо и по сути, а не как будто у нас стоит автоответчик и не нужно заморачиваться над приветствием или доступным объяснением. Еще я радуюсь, когда люди приходят на воркшопы и возникает групповая динамика, которая, по-моему, частично зависит от поставленных нами по групповой динамике задач, очерченных нами правил и нашей коммуникации между собой. Мне кажется, это влияет на микроклимат воркшопов, особенно тех, которые проходят у нас в мастерской. В такие моменты я думаю, что это не просто рабочее место. Это площадка для высказываний, социализации, обмена идеями, эко-френдли лайфхаками и так далее. Это ценно.

Маша: Какое время кажется тебе оптимальным для работы?

Рина: Зависит от состояния. Если с телом и сознанием все боле-е-менее в порядке, думаю, я могла бы работать 5 дней в неделю по 8 часов. Круто, конечно, было бы работать еще меньше, но варианты на уменьшение мне кажутся совсем уж утопическими. Только я бы оговори-лась: хорошо, чтобы в эти 8 часов входила не только непосредственно швейная работа, но и уборка, интернетная деятельность, бухгалтерия. Такая стабильность была бы окей для меня. А если есть проблемы с телом и/или сознанием, тогда мне хотелось бы, чтобы дедлайны не приводили к ухудшению самочувствия. То есть чтобы существовала пластичность. Если же она с дедлайном для заказчи_ц не возможна, то хотя бы определенность. Чтобы мне сразу говорили, мол, через месяц мы хотим вот это. И если я заказчи_ц прошу для их же заказа прислать рисунок, то чтобы мне присылали его не за неделю до дедлайна, а сразу, когда делают заказ. В таком случае я бы могла, отталкиваясь от своего самочувствия, распределять на месяц, когда я могу дать телу отдых и сон, а когда – проработать 10-12 часов, оставаясь собой, в себе и на рабочем месте. А для тебя?

Маша: Я хотела бы работать 4 дня в неделю по 9 часов, чтобы в итоге получалось 36 часов, даже не 40. Это что касается швейной работы. При этом я могла бы что-то делать дополнительно: например, воркшопы и коворкинги. Мне не хватает выходного дня для себя, для других своих проектов. В целом я люблю работать и могу шить по 9-10 часов подряд, но не когда приходится заниматься этим каждый день, 7 дней в неделю,

если есть дедлайны, или 6 дней с одним выходным в обычном режиме. Когда я думаю о швейной работе – это одно, но работа в кооперативе – это другое, очень много чего еще туда входит. Но если бы я работала на фабрике, то я бы не работала сверхурочно, хотя... ха, конечно, работала бы, чтобы больше заработать. Мне сложно представить себя на фабрике, скорее всего, меня бы уволили за медлительность. Одна участница воркшопа во Львове рассказывала, что когда пошла работать на фабрику, то за месяц забыла все, чему ее учили в швейном училище, потому что сидеть и делать одну операцию – ужасно отупляет! Мама подруги работала на конвейере и рассказывала, что месяц приходила с работы и рыдала от усталости и общего самочувствия. Люди, которые обращаются к нам, понимают, что мы живые люди, швеи со своими идеями, такой вот проект. Мы публикуем тексты, где описаны проблемы швейной индустрии с точки зрения трудовых прав работни_ц, с точки зрения нагрузок на экосистему, предлагаем некоторые решения в виде вторичного использования материалов, ремонта, топим за честную цену за труд швеи. Но эти же самые люди могут продолжать покупать вещи в масс-маркетах¹, тем самым поддерживая фабрики и производство в так называемых странах третьего мира. Они могут знать о фабриках тут, в Украине, где швеи получают плату, несоразмерную затраченным усилиям. Непонятно, что делать со знанием всего этого, как применять? Как люди поступают? Соглашаться с тем, что мир не совершенен? Я сама не знаю, что с этим делать, кроме активистских вылазок-выходок, но на них тоже нужны силы. Я рада возможности об этом говорить, с другой стороны, говоришь-говоришь, а разве что-нибудь меняется? Хотя вот после перформанса «12-часовой рабочий день» я на себе ощутила невозможность и дальше покупать одежду в масс-маркете, а вот обувь могу. Хотя не думаю, что на обувных фабриках дела обстоят лучше. Я не могу пошить себе обувь, но могу покупать ее в секундах, хотя там она с тех же фабрик (*глубокий печальный вздох*).

Рина: Иногда эти размышления заводят меня в тупик, потому что если уж разбираться, то давайте разберемся во всем. Окей, одежду, например, брать из секундов. Я не раз была на той же Лесной, например. Какие там условия работы? Отвратительные. Люди прячут пирожки, то есть свою еду, от работодателей между обувью и пытаются урвать какие-нибудь 10 минут, чтобы поесть. Едкий химический запах, который переходит во вкус. А ведь они проводят там много часов, я думаю. При этом еще и постоянный шум. Да и обращение работодателей или «менеджеров» с непосредственно продающими много раз казалось мне ужасным. Вот условия труда в магазинах такого типа. И я выбираю их,

¹ В индустрии моды «масс-маркет» – это бренды одежды, использующие стратегию быстрой моды и подражание модным тенденциям. Также это изготовление одежды из материалов низкого качества на фабриках с очень низкой оплатой труда.

чтобы не спонсировать фабрики, где тоже жуткие условия. Я попадаю в ловушку: если я не произвожу сама, значит, я обязательно спонсирую чью-либо эксплуатацию. Эта ловушка очень жесткая. И я чувствую, как люди (в том числе и в коммуникации с кооперативом) манипулируют этой безвыходностью. Но я считаю, что даже если не можешь изменить все, это не значит, что не можешь изменить ничего. Ценными кажутся и маленькие шаги. Например, заменить полиэтиленовые пакеты мешочками из тюля, произведенного энное количество лет назад. То есть он лежал невостребованным, а сейчас в него можно сложить овощи-фрукты. Я считаю, что это маленькое, но изменение. И чем больше людей будет следовать этой стратегии, тем большим будет масштаб перемен. Мне хочется, чтобы люди рассматривали эту логику как потенциальный инструментарий, хотя бы частично.

Маша: Слушая тебя, я вспомнила, что, когда мы впервые стали шить тюлевые мешочки, над нами подсмеивались: «бабушка-стайл», «камбек СССР». А сейчас – где только не пиарят эти тканевые мешочки. Это так смешно и грустно: наблюдать, во что это превращается. Мы их поначалу стеснялись продавать. Что там продавать? Давайте обучать, ведь их так просто шить. Потом согласились, ведь не у всех есть на это время и силы. А сейчас капитализм захватывает и это, эко-мешочки, но из новых материалов и пошитые в местах с низкой оплатой труда (*грустный смех*). Впрочем, я тоже придерживаюсь принципа малых дел. К сожалению, я не волшебница, чтобы изменить мир и все в нем переустроить. Но возможны изменения в каких-то конкретных точках, и то, в какой момент ты там оказываешься и начинаешь менять что-то, снова и снова. Я стараюсь не обесценивать то, что я делаю. Правда, когда я пытаюсь подумать о картине современного мира в целом, то слышу скепсис по поводу запары об экологии.

И вот еще о скепсисе, обвинениях, навязывании, как должно быть все по правилам, по закону. В России кооператив не был официальным, мы не платили налоги и имели классную отмазку, что не хотим спонсировать государственную политику. Сейчас, в Украине, я не могу сказать, что согласна с политикой государства, но блин, мы платим налоги. И что, нам от этого легче? Да мы могли бы покупать на эти деньги оборудование и быть более уверенными, что у нас будут деньги на аренду мастерской, больше получать за работу. Просто играем в игру, что все законно. Но я отвлеклась от темы. Может, успеем еще поговорить о швейных мечтах и желаниях. Есть у тебя такие?

Рина: Мне определенно хочется доделать вещи, которые я начала на школе швейного кооператива, когда еще не была его участницей. Мне нравятся штаны, и все, что с ними нужно сделать, это ушить. Но у меня не хватает времени и сил. Еще я хочу сделать обтачку на жилетке с вышивкой Free Political Prisoners и носить ее. Часто мне хочется шить подарки людям, в первую очередь, практичные. Иногда я фантазирую

на тему одежды, которую мне хочется пошить для себя из имеющихся тканей. Есть задумка «агендерного» облачения, я бы назвала это «самурайским платьем», но не могу внятно объяснить почему.

Маша: У меня тоже есть свои швейные мечты и желания, даже планы. Забавно, но в моменты, когда я сержусь, что много работаю, медленно работаю, я начинаю прокрастинировать таким образом: все бросаю и начинаю что-то делать для себя. Беру с полки «ремонт для себя» (так как для себя, то вещи ждут ремонта годами), доделаю, а потом такая радостная, что сделала. У меня много таких задач: поменять резинку в юбке, фастексы на комбинезоне, отремонтировать растянувшееся на спине платье (пока не знаю как, надо придумать) ... Из актуального – аппликация на пиджак, вот та, с кружевом. Задумала еще год назад, если не два. Вроде и просто, но руки не доходят. В один вечер начала, на воркшопе продолжила, нужно найти вечерок закончить. Хочу себе пошить несколько трусов – это жизненная необходимость. И для Тони пошить трусов. А еще хочу Тоне пошить пиджак из ткани на стеллаже (такой, восточной), куртку по модели косухи из кожзама, которая у нее была (ткань для этого есть), красные штаны. У нее такие были, и ей очень идет, но нет ткани. А для себя – пальто. Люся мне отдала 3 года назад, и у меня есть идея, как его переделать: вышивка, подкладка – много работы. Доделать платки, которые я в Азербайджане вышивала. Хотя вышивать можно годами. Еще хочу себе другую вышивагинку, рубаху с рукавом-регланом и воротником-стойкой из черного льна с вышивкой фиолетовыми нитками по схемам, которые Тоня разработала. Костюму улитки я очень рада – спасибо Вале за выставку, что предложила участвовать – он уже получился, но я знаю, как его улучшить. Мне в нем очень комфортно. Я шутила, что через несколько лет моей одеждой будут костюмы котика, улитки, собачки, гусеницы... – Маша стремится не быть человеком. Эти костюмы агендерные и не антропоцентричные. В комбинезонах круто, что скрывается тело (мое тело для меня, а не для внешнего взгляда!), но как сделать так, чтобы не раздеваться полностью, когда ходишь в туалет, – прямо конструкторская задача, интересно решить. Попробую в костюме улитки сделать задний замочек. Еще пару лет уже хочу домой покрывало, из таких джинсовых лоскутков, чего у нас целый мешок, чтобы коты не срывали. В общем, надолго мне хватит этих швейных мечт (*смех*).

Публикация подготовлена в рамках проекта «Гетерообременность: феминизм, зины, солидарность: отпор дискриминации на бумаге и в реальности» при поддержке малых грантов от Центра «Жіночі перспективи».